18+

Михаил Павлов

Вехи

Книга первая Страницы жизни

Михаил Павлов

Вехи. Книга 1. Страницы жизни

«Издательские решения»

Павлов М.

Вехи. Книга 1. Страницы жизни / М. Павлов — «Издательские решения»,

В судьбе каждого человека есть события, поворотные моменты, влияющие на всю последующую жизнь. Они — как вехи на пройденном пути навсегда прописаны в Книге Жизни.

© Павлов М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Детство 6
Глава 2. Дядя Сеня 12
Глава 3. Мне 17. Трудное решение 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Вехи
Книга 1. Страницы жизни

Михаил Павлов

В судьбе каждого человека есть события, поворотные моменты, влияющие на всю последующую жизнь. Они — как вехи на пройденном пути навсегда прописаны в Книге Жизни.

Редактор Людмила Владимировна Перекрестова
Дизайнер обложки Юлия Владимировна Зилинская

© Михаил Павлов, 2026
© Юлия Владимировна Зилинская, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-2034-3 (т. 1)
ISBN 978-5-0070-2033-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Детство

— Лида, поди сюда, вытри нос этому чуду природы, — мать показала моей сестре на меня. — Добегался босиком, холодно ещё, земля-то холодная, сам малой. И где тебя полный день носило, голова окаянная?

Я молчал, поджав губы, смотрел на свои босые ноги, черные от весенней, еще не успевшей как следует просохнуть земли. Большим пальцем ноги чертил полосы по земле и вытирал нос рукавом.

— Ну вы посмотрите на него, что же мне теперь из корыта не вылазить? Вон как измазюкался!

Лида, моя старшая сестра, всегда аккуратная, опрятная, протянула мне платок. Я взял, вытер нос и запихал платок в карман.

— Иди ноги вымой, да про лицо с руками не забудь. Сегодня из дома ни шагу! Щи в печке, да творог, там, в горшке, сами спрокините, — подумала и добавила. — Лида, помоги ему, а то расколотит опять чего. Идите, идите…

Обошлось. Это хорошо. Могла бы и выпороть. У мамки рука тяжёлая. Оно и понятно, всё сама, папки то нету.

Я вымыл ноги в бочке под застрекой[1], там же вымыл и руки. Мы с Лидой поднялись на высокое крыльцо, прошли по сеням[2]. Горница[3] маленькая, чистенькая, занавески на окнах, на полу самотканые половики да вышитый рушник[4] у рукомойника[5]. Вымыл лицо, вытерся рушником. Русская печь в пол-избы, две кровати за занавеской, лавка у окна, четыре табуретки да стул — вот и всё убранство.

На ноги обул я войлочные тапки — обрезки старых валенок. Сестра ухватом достала котелок со щами из печки, вместе спрокинули[6] горшок с творогом в марлю. Лида повесила его стекать.

— Ванька, ты где был-то? Мамка грозилась выпороть тебя.

— В лес бегал, тама[7] жуть как хорошо, — и потом шёпотом. — Ножик военный нашел и патроны. Только ты мамке не говори, вобьёт.

Лида покачала головой, отрезала от каравая кусок хлеба. Не дожидаясь, пока нальют щей, посыпал его солью и с аппетитом начал есть ржаной домашний хлеб. Хлеб у мамы всегда получался замечательный, ноздреватый, вкусный. Закваску она вместе с приданым принесла в свой новый дом, берегла, кормила ее как человека.

Я ел горячие щи, обжигался, дул на ложку, торопился, словно боялся, что у меня отнимут тарелку.

От горячих щей из носа потекло сильнее. Шмыгал носом, то и дело доставал платок.

Лида сидела на другой стороне стола и, подперев голову рукой, смотрела, как я ем.

— Вань, ты бы не ходил больше без спросу, мамка волнуется.

— Не, не пойду больше. Ну, может еще разок сбегаю, на чуть-чуть…

Дверь в сенях хлопнула, послышались шаги.

---

[1] Застрека, или застреха — водотечный желоб в основании кровли.

[2] Коридор.

[3] Жилое помещение в сельском доме.

[4] Полотенце.

[5] Умывальник.

[6] Местное выражение. В данном случае спрокинуть — откинуть на марлю готовую творожную массу.

[7] Там.

— Мамка идёт, — Лида посмотрела на меня испуганными глазами. — Тётя Нюша наговорил ей всячины…

Открылась дверь, мать зашла, устало вымыла руки, вытерла полотенцем.

— Ну и что мне с тобой делать, неслух? — Она посмотрела на меня, пытаясь сделать строгое лицо, но глаза выдавали её, в них искрилась лукавинка. — Сколько же ты меня слушать не будешь? А? Гряды не копаны, сажать уже пора, мне же одной не управиться. Люди как люди, а бес стороной. Куда же ты бегал, окаянный?

— Да я там, в лесу, кислицу заячью ел.

— Посмотрите на него, кислицу он ел, дома тебе мало еды что ли?

— Мам, а в лесу-то хорошо как, подснежников… что твой ковёр, и птички поют, аж душа заходится…

— Ах ты, чудо ты моё, что же мне с тобой делать-то, — мать потрепала меня по голове. — И в кого же ты уродился, соколёнок мой. Опять поди рисовать будешь? Красок на тебя не напасёшься.

— Лидуш, а ты то ела?

— Я не хочу, мам.

— Помощница ты моя, куда же я без тебя? — Мать погладила Лиду по голове.

— Ваня, ты сходи потом к дяде Сене, попроси косу побить, скажи, рассчитаюсь. Да корову с поля встреть, не забудь.

— Сделаю, мам.

— Смотри, обуйся, босиком не ходи.

Я весело бежал по деревне, нёс косу к дяде Сене, прозванному «Деревянная нога» за то, что ходил на деревянном протезе. Война лишила его былой подвижности, но не силы духа и хорошего настроения. Он играл на гармошке, подбирая на слух мелодии. Ни одна свадьба ни у нас, ни в соседних деревнях без него не обходилась. Жена его, тётя Стеша, работала в колхозной конторе счетоводом, сын Константин учился в военном училище, а дочь Катерина — на третьем курсе университета. Я любил дядю Сеню, любил его детской, искренней любовью за его доброту и непохожесть на других деревенских мужиков. Он всегда держался сам по себе, независимо, но просто, и в деревне его уважали, часто заходили к нему посоветоваться не только мужики, но и женщины. И он никому не отказывал ни словом, ни делом, чем мог, помогал, и совсем не тяготился отсутствием ноги, был весел и лёгок на подъем. А как он рисовал! Птички как живые! А цветы какие!

Дядя Сеня остался у нас после войны, ехал домой из госпиталя, попросился переночевать, да так и остался, некуда ему было идти — ни дома, ни семьи не оставила ему война. А здесь он обрёл новый дом, новую семью, здесь у него родились дочка и сын. И дядя Сеня в город не поехал, не захотел.

Уже издали было слышно:

— По диким степям Забайкалья,

Где золото роют в горах,

Бродяга судьбу проклиная…

Дядя Сеня сидел на скамейке возле крыльца, плёл корзинку, ловко заправляя ошкуренные крашеные прутья. Такие корзинки в деревне больше никто не плёл.

— Дядя Сеня, здравствуйте! Мама просила косу побить, сказала, что рассчитается.

— А, Ваня, проходи, проходи… Давай посмотрим твою косу. — Он отложил корзину, взял косу, размотал тряпицу, которой мама заботливо обмотала её, чтобы я не порезался.

— Так… — Потрогал пальцем лезвие.

— Прикати-ка ко мне чурбанок, вон тот, возле плетня, и молоток с бабкой[8] принеси из сеней…

Я, пыхтя, прикатил чурбан, сбегал в сени, принёс молоток и бабку. Дядя Сеня ловким движением выбил клин, снял косу, косовище поставил рядом, вбил бабку в чурбан.

— Вот что, Ванюш, я косу побью[9], а ты мне воды наноси, и мы в расчётах. Ведёрко маленькое в сенцах возьми, кадушка под воду сам знаешь, где. Ну, давай беги…

Я носил с колонки воду под звонкие, частые удары молотка.

Хорошо отбить косу, оттянуть лезвие так, чтобы оно не потрескалось, а заиграло на свету белой тонкой змейкой, дело не пяти минут. Инструмент нужен хороший, не каждый молоток годится, да и хорошую бабку ещё надо поискать.

Мы трудились минут сорок. Каждый остался доволен собой. Я наносил воды, изрядно наплескав в сенях и промочив штаны. Дядя Сеня с удовольствием осмотрел свою работу, потрогал лезвие, постучал по косе ногтём.

— Хороша коса, крепкая, вишь, как звенит… — Поставил косу на косовище, выставил угол, забил клин. Аккуратно обернул тряпицей. Поправил, подтянул палец[10].

— Ну, Ваня, иди сюда, отдохнём с трудов праведных, делу время, как говорится, а потехе час.

Мы сидели рядом на скамейке, дядя Сеня рукой обхватил мои плечи, прижал к себе.

— А что, Ванюша, жизнь хорошая штука!

— Ага, — согласился я и тут же похвастал. — Я в лес сегодня бегал, хорошо там, птички поют, лесом пахнет, листьями, а подснежников! А ещё птичку видел, с хохолком!

— Ишь ты! То-то мамка тебя искала, по деревне бегала, ко мне забегала… Поди, попало тебе?

— Не, мама меня любит! Так, поругала маленько, и всё. Дядя Сень?

— А?..

— А будем сегодня рисовать?

— А как же! Вот корову встретишь с поля и приходи. Гуашь не забудь, кисточки свои дам.

— Дядя Сень, а я в лесу ещё ножик военный нашел и патроны, целых четыре штуки! Конец в ножике, правда, сломан, а патроны без пулей… — Доверил я ему свою тайну.

— Ишь ты, — снова удивился он, — вот и их приноси, посмотрим.

— Дядя Сень, а на войне страшно?

— Страшно, Ваня, страшно, только дурак смерти не боится.

— А что самое страшное на войне?

— Рукопашный бой… Не приведи Господь вам пережить такое, не надо войны…

— А что в нём страшного?

— Когда из окопа стреляешь, редко лицо человека видишь, а здесь, лицом к лицу, в глаза смотришь, или ты его, или он тебя. Душой надо очерстветь, Ваня, люто врага ненавидеть, чтобы вот так… Тут животину жалко, а это живой человек.

Дядя Сеня сильнее прижал меня к себе.

— Ну, беги, Ваня, скотина скоро с поля придет, беги. Маму да сестру слушай…

Я шел деревней, гордо нёс косу, поставив пальцем на плечо как взрослый. Хоть и тяжело было, но виду не показывал.

---

[8] Металлическая наковаленка для отбоя косы. Имеет клинообразную форму с плоской четырехгранной или круглой рабочей поверхностью (головкой) и острым концом, вбивающимся в деревянную колоду.

[9] Процесс уплотнения и вытягивания металла на режущей кромке косы с помощью молотка и наковаленки. Цель — сделать лезвие тоньше и прочнее в процессе холодной ковки.

[10] Ручка косы, которая крепилась на косовище, примерно на уровне пупка косившего. Изготовлялась из лозы, крепилась под определённым углом по отношению к режущему полотну.

— Вон какой у Людмилы помощник растёт, — одобрительно сказала бабушка Марфа, полная пожилая женщина, всегда добрая и ласковая ко мне.

Я солидно, как взрослый, поздоровался, гордо поправил косу и не торопясь пошел дальше.

— Ваня! Помоги клушу загнать, она клюется! — Соседская дочь, Алёнка, пыталась прутиком направить курицу с цыплятами в заулок. Та ершилась, не давалась, чертила крыльями по земле и кидалась на прутик. Цыплята пушистыми шариками вертелись у неё под ногами.

— Алёнка! Смотри, цыпок передавит! — Крикнула баба Марфа.

Я повесил косу на забор.

— Куда тебе ону?

— Да вон, в корзинку надо посадить, а я боюсь, она клюется больно… — Алёнка в коротком платьице в горошек, в косынке, из-под которой виднелась косичка с бантиком, смотрела на меня большими василькового цвета глазами, полными слёз.

— Сейчас мы ону… — Я смело бросился ловить курицу. Исхитрившись, удалось схватить её за лапу, клуша рвалась, клевала мне руку, но я быстро справился, прижал крылья, теперь она не страшна. Мы посадили птицу в корзину, завязали сверху платком.

— Ванька, какой ты смелый! — Восхитилась Алёнка. — Вон она как тебя, а ты не отпустил…

Мы ловили разбежавшихся цыплят.

— Одиннадцать штук должно быть, — Алёнка с каждым пойманным цыпленком загибала один пальчик.

— Да я считать умею, — похвастался я. — Вот этот десятый, а вон там, возле корзинки, одиннадцатый.

— А вечером что делать будешь? — Спросила Алёнка. — Приходил бы, поиграли, у нас качели в саду, папа вчера сделал.

— Не, не могу, надо корову встретить, а потом к дяде Сене пойду рисовать, — важно ответил я. — А пойдём со мной рисовать, я и красок дам, мама мне гуашь новую купила!

— Мне нельзя от дома, ругаться будут, лучше ты приходи, поиграем…

— Если завтра только, сегодня никак.

Я важно снял косу с забора и пошёл к дому.

— Ну, так ты завтра приходи, не забудь! Буду ждать! — Крикнула вслед Алёнка.

— Завтра приду! — Пообещал я.

Роза, наша корова, красная с белым, с изогнутыми, как у ухвата[11], рогами, ещё не доходя до меня, привычно вытянула морду, втянула ноздрями воздух, и, почувствовав хлеб, ткнулась влажным, холодным носом мне в руки. Я угостил её крепко посоленной горбушкой хлеба, изрядно уже общипанной мною в ожидании стада. Розка, блаженно закрыв глаза, жевала хлеб, изо рта показалась слюна. Я сунул ей в рот второй кусок, обошёл, хлопнул ладошкой по боку.

— Ну, Розка, иди домой, — корова неторопливо, важно пошла по дороге. А я всё похлопывал её по боку, торопил. — Ну, Роза, давай, иди быстрей, мне ещё к дяде Сене надо… Ну пожалуйста, давай быстрей…

И вот, наконец, я бежал к дяде Сене, счастливый, с новыми, купленными мамой гуашевыми красками, самодельным альбомом с листами, нарезанными из остатков старых обоев, подарком дяди Сени, с патронами в кармане и обломком ножа, засунутым за брючный ремень. Счастье переполняло меня.

Дядя Сеня уже ждал, из его заулка открывался красивый вид на реку, недалёкий лес с уже сгустившимися тенями, а солнце готово было вот-вот коснуться горизонта. Приготовлены

[11] Ухват (рогач) — предмет печной утвари, с помощью которого захватывают и ставят в русскую печь горшки и чугуны.

были два самодельных мольберта, большой и маленький. Я уже хорошо знал это волшебное слово, иногда важно вставлял его в разговорах с друзьями.

— Дядя Сень, вот, я патроны принёс и ножик, — я выложил своё сокровище на скамейку.

— Давай, давай посмотрим… Дядя Сеня взял в руки обломок ножа. — Это штык-нож был, немецкий, ручка сгнила уже, больше половины отломано, теперь это просто железка, Ваня, теперь она уже не страшна.

Он положил остатки штык-ножа назад на скамейку, взял в руки патроны.

— А это гильзы, наши, с трёхлинейки. Хорошая была винтовка, надёжная, ничего не боялась, в грязи, в пыли, а работает. Затвор заклинит, сапогом выбьешь, и снова стрелять можно. Ты, Ваня, от войны держись подальше, не ходи один больше в лес, не надо, помнишь, Гошке в прошлом году ноги осколками от взрывателя посекло и палец оторвало?

Я кивнул головой.

— Война, она, сынок, ещё долго будет за нами следом ходить, нет у неё срока давности, нет! Не ходи, маму пожалей… А лучше вот мы с тобой порисуем.

— Хорошо, не пойду, — пообещал я, представив вдруг Гошку без пальца, хромого. Больно поди было, и рисовать как, без пальца, и мама плакать будет…

— Не пойду больше, — повторил я.

— Вот и хорошо, вот и ладно. Ну, готов? — Дядя Сеня выбрал из моего альбома чистый лист, закрепил на мольберте. — На вот кисточки.

— А мне мама гуашь новую купила, — похвастался я.

— Мама у тебя хорошая, слушайся ее, не обижай. Ну, давай порисуем, вот, видишь, я уже подмалёвок[12] сделал, и ты пробуй, как я. Сейчас наметим тебе, вот, будет лес, тут река, тут луг, дорога… — Он быстро схематично набросал, начертил на моём листке несколько линий.

— Я сам хочу, — обиделся я.

— Припозднились мы сегодня с тобой, Ваня, того гляди солнце садиться будет, не успеем. Смотри, как я, и ты так делай.

Мы рисовали больше часа, я всё удивлялся, как это так получается у дяди Сени, раз, раз, и вот уже лес, а тут река, туман, и солнца красный шар… А у меня только кляксы какие-то. А дядя Сеня то и дело поправлял мой рисунок.

— Вот, смотри, вот здесь легонько так, а теперь вот здесь, а там пускай подсохнет…

Я старался, пыхтел, но всё равно видел большую разницу в том, что получалось у меня и у него.

— Как это у вас, дядя Сень, выходит?

— А ты почувствуй, почувствуй краску. А что у меня получается, так порисуй с моё, видишь, какой я старый, не один десяток лет рисую, а у тебя всё впереди, ты старайся, рисуй, и умение придет, не боги горшки обжигают.

— Ваня, мама домой зовёт, поздно уже, — Лида стояла в заулке, мы совсем не заметили, как она пришла. — Здравствуйте, дядя Сень!

— Здравствуй, здравствуй, Лида. Мы сейчас, вот тут мазнём, тут поправим, так… да кисточки вымоем… Давай, Ваня, беги домой. Да не забудь рисунок закрепить, переведёт[13]… А то хочешь у меня оставь, завтра заберёшь…

— Не, домой понесу, маме покажу…

— Ну, как хочешь, доброго вечера вам! Маме поклон от меня передайте… Ну, идите, идите…

---

[12] Начальный этап работы над картиной, представляющий собой нанесение на холст композиции будущей работы.

[13] Гуашь — вид клеевых водорастворимых красок. При высыхании растворителя — воды, если не закрепить бумагу её может коробить.

Мы шли домой, солнце уже наполовину скрылось за лесом, с реки поднимался туман. Лида несла мой альбом и краски, а я гордо, двумя руками, нёс домой свой рисунок.

Глава 2. Дядя Сеня

Май в этом году выдался холодный. Первомайская демонстрация прошла под снегом с дождём. Под ногами — снежно-водяная каша. Холодно, словно на дворе не май, а март. Сегодня на календаре 7 мая, снег растаял, но небо хмурится, жгучий северный ветерок здорово холодит, забирается под куртку, охватывает тело. Ёжусь. Сходил в библиотеку и по дороге домой решил зайти к дяде Сене, проведать.

Постучал в дверь, знакомый голос пригласил в горницу:

— А, Ванюша, заходи, заходи.

Дядя Сеня сидел за столом, деревянная его культя, отстёгнутая лежала рядом на полу. На столе были фотографии. Он их рассматривал, перебирал. Фотографий было мало. Многие пожелтевшие, в изгибах и трещинах. Это говорило о непростой их судьбе, о том, что долгое время не расставались они со своим хозяином, что их судьба была неразрывно связана с ним. Совсем не похожи они на домашние, чистенькие, белые альбомные фото.

— Вот, Ванюш, вся моя жизнь, здесь вот, перед тобой. Я сам ленинградский, ты ведь знаешь… Вот папа с мамой, а это вот я. Сколько тебе сейчас?

— Шестнадцать.

— А мне здесь пятнадцать… Я в художественную школу ходил, страсть как рисовать любил… А вот сестра моя, Валя… Все в блокаду умерли, никого не осталось. А я… Вот ведь судьба какая… Считай, с первого дня на фронте, а вот, поди ж ты, живой. Пусть без ноги, а живой. В госпитале был, когда соседка написала, Валюша, сестра, последней умерла, чуть-чуть не дожила…

Скупая слезинка скатилась по впалой щеке.

— А вот Таня, Танюша, моя фронтовая любовь… Ты уже большой, тебе можно…

Он показал мне фотографию улыбающейся молоденькой девушки в военной форме. Открытое лицо, глаза с задоринкой, улыбка чуть тронула губы.

— Весной сорок второго это было… март месяц. К нам в полк отделение девчат-снайперов прислали. Молоденькие все, необстрелянные, только снайперскую школу окончили. А я тогда в полковой разведке служил. Поставили нам задачу их с передовой ознакомить, где, что у немцев, никто лучше разведки не знает. И ведь знаешь, как увидел Танюшу, так сердце забилось радостно. Все молодые, все красивые девчонки, а она особенная. Запала в сердце, и всё тут. А уж бойкая была, палец в рот не клади. Да и я, сам знаешь, не лыком шит. Молодой, кровь играет, грудь колесом. Вот и сошлись мы с ней, друг без друга не можем, она на «охоту», я места себе не нахожу, я в разведку, она мается. На минуту расстаться тягостно. А кругом война, смерть. Пули свистят, снаряды рвутся, а у нас любовь… Бывает же так… И чем тяжелее человеку, тем ярче он горит, а когда смерть по пятам ходит, каждый момент, каждое мгновение ты не просто живёшь, ты пьёшь его большими глотками и не можешь напиться. А уж любовь… Расстаться на минуту — уже трагедия, на день — драма. Да и не знаешь, свидишься ли снова, всё же фронт, война. А от этого и чувства ярче, и жизнь краше. Так, пока наступления не было, и жили, землянку отдельную соорудили, заявление комполка подали, чтобы отношения оформить. Человек ко всему приспосабливается, везде живёт, выживает, и мы жили…

Понесла Танюша, жизнь новая под сердцем у неё забилась. Я от счастья сам не свой. Планы строим, словно и нет войны, нет смерти. Думаю, ну и ладно, я как-нибудь выдюжу, а она скоро домой поедет, срок уже подходит, живот уже видно…

Дождались, увольняют, домой едет моя Танюша, кончилась для неё война… Отпросился у полковника, в хозвзводе выпросил лошадь с санями, пристроились к обозу, поехали в тыл… От передовой отъехали уже километра на три, зима, морозец, деревья в инее как в кружевах… Тишина… Но судьба, от судьбы не уйдёшь… Снаряд, шальной… В голове шум, в ушах звенит,

в глазах темно… Лошадь убило, а на мне ни царапины… Танюша лежит без сознания, руки раскинула… Взял на руки, а на руках кровь… Осколок, всего один, словно не её, а меня ударил под сердце. Закашлялась, глаза открыла, а на губах пена кровавая… Закрылись ясные очи, ушла жизнь… Забрала война у меня любовь и дитя безвинное. Осиротел в одночасье…

Там и похоронил мою Танюшу, на взгорке, рядом с сосной. Рубил мёрзлую землю и выл по-волчьи… Слезами омыл я мою ладушку, шинелью, как саваном, укрыл…

Заледенело сердце моё, жизнь не мила стала. Стал смерти искать, в самое пекло лез, но бог смерти не давал. Кругом друзья-товарищи гибнут, а мне всё нипочём. Смерть, она, Ванюша, страшна, когда ты за жизнь держишься, а когда ищешь её, словно обходит тебя стороной…

Грудь в орденах, а жить не хочу… Отца с матерью в этом же сорок третьем забрала у меня костлявая, не пережили блокадную зиму, сестра одна в то время оставалась, да и про ту не знал, жива ли или тоже схоронили уже. Для чего жить? Вот и искал смерти. Всё у меня война отняла, и жизнь по каплям из меня утекала. Напросился в разведку боем, решил, уж точно смерть, штрафников одних набрали. Страшный был бой, из роты меньше десяти человек осталось. Уже почти до своих добежали, накрыло меня миной, присыпало землей, похоронило… Но и тут смерть обошла меня, откопал, вытащил на свет божий дружок мой, товарищ боевой. Посекло осколками ноги да спину. Но живой, снова живой…

Отправили в госпиталь. Лежу, медленно умираю, ногу, видишь, отняли, тогда не церемонились. На обходе врач сказал: «Не жилец». Ну, думаю, и слава богу, куда же я без ноги. Жаль, только помучиться придётся, без смерти ведь не умрешь, да и всё равно, жить не хочу.

Ушел врач, а сосед мой, матросик, уже ходячий, ко мне, что ж ты говорит, братец, помирать надумал? Жить надо, назло всему жить…

А я забылся, как в бреду, в горячке, и вижу, то ли сон, то ли явь, старец, сединою убелённый, лес кругом, зверьё всё вокруг него вьется, все ласкаются, а он смотрит на меня ясными такими глазами и говорит: «Рано тебе ещё умирать, живи, ещё всё впереди. Найди в себе силы, переступи через боль, цени жизнь».

Матросик этот, Саша, выходил меня, выпоил с ложечки. Вот он, посмотри.

Дядя Сеня показал мне фото пожелтевшее, с неровными, выщербленными краями. На нём матрос, в бушлате и бескозырке, глаза умные, спокойные.

— Да он не просто выходил меня, он вернул меня к жизни, помог пережить известие о смерти сестры. Тогда вновь сердце захолодило, показалось, что жить незачем, не для кого жить. Но он поставил меня на ноги, открыл глаза, дал надежду. Я живу, а его уже нет, погиб в сорок пятом, почти до Победы дожил. Война, брат, война, она забирает лучших.

Комиссовали меня подчистую, куда ж без ноги на фронте. Поехал я ближе к дому, к тому, что от него осталось. Ехал и шёл куда глаза глядят. Спешить некуда, никто не ждёт. Да и что с меня толку, с калеки-то, думал я, ну приду я домой, в Ленинград, а может, уже и дома нет, и квартиры, и что с меня толку, кому я нужен? В нахлебниках сидеть не привык, а потому и не спешил, некуда спешить. Ехал попутками, да и пешком шёл, привыкал к своей деревянной ноге. Сильно болела культя-то, натирал. Болела и говорила мне: живой ты, братец, живой, а раз живой, так и живи, живому про живое думать… Так и дошел, Ванюша, до вашей деревни, приютила меня Стеша, пустила переночевать. А меня словно кто вёл, почти всю деревню прошел, а возле её хаты остановился и постучал.

Открыла хозяйка, лицо светлое, а глаза… будто огонь в них горит… Как взглянула на меня, так и подумал, если примет меня такого, без ноги, так и останусь, коли мужа нет. Видно, суждено так было, муж у неё в сорок первом погиб, и меня приняла, безногого. Лаской да любовью окружила, словно только меня и ждала. Сердце моё оттаяло, отогрелось. Жили тяжело, в трудах в заботах. А кому тогда легко было? Страна в руинах, в колхозе мужиков почти нет,

бабы, старики да дети малые. А жизнь в радость стала, всё домой спешишь, насмотреться на неё не можешь.

Снова петь захотелось, карандаши в руки взял, а уж когда дочка родилась, так и вовсе крылья за спиной выросли, а потом и сына мне принесла. Много ли человеку для счастья надо?

Детей на ноги поставили, слава богу, выучили, внуки пошли. Живи, да радуйся… Да вот видишь, снова один остался, видно, судьба такая.

Но ничего, Ванюш, войну пережили, страну подняли, значит, надо жить, и не просто жить, а жить так, как будто ты последний свой день живёшь, как будто тебе нужно всё успеть. Помнишь Павку Корчагина, по литературе проходили? Там правильно сказано, красиво, — надо жить так, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Это так, Ванюша. Жить надо на все сто, только тогда человек живёт, а не просто существует. Каждый день как маленькая жизнь. Из таких вот маленьких жизней и состоит большая жизнь. Живи, Ванюша, и помни об этом. Не живи зря, живи со смыслом. И потом, когда станешь вот такой старый, как я, тебе будет, что вспомнить.

Я смотрел на дядю Сеню и думал — если по годам, то и не такой уж он старый, пятьдесят с небольшим, а если посмотришь на лицо, изрезанное глубокими морщинами, да заглянешь в глаза… заметно, что он действительно старый. Всё-таки, наверное, не старый, а мудрый. Столько пережить, столько видеть и столько потерять…

Я потерял отца. Я плохо это помню, мне было всего три года, и я не ощутил в полной мере ту боль утраты, что ощутили сестра и мать. И вся жизнь моя разделилась на до и после. Мать никогда уже не была прежней, весёлой, сияющей, а Лида, сестра, сразу вдруг повзрослела.

А дядя Сеня потерял всех родных, тогда, в войну, и потом суровый рок, слепая судьба нанесли ему ещё один удар прямо в сердце уже в мирной жизни.

Пьяный водитель, и тёти Стеши не стало. Грузовик занесло на скользкой, накатанной дороге и он бортом ударил её. Шофёр даже не заметил ничего, уехал.

Она умерла сразу, осколки сломанных рёбер пробили лёгкие и сердце. И как тогда, в войну, зимой, на коленях он стоял над телом, неподвижным, отстранённым от всего живого, с нелепо подогнутой ногой и раскинутыми руками. Сумка с продуктами и выкатившийся апельсин, застывший оранжевым пятном в снегу.

И как тогда, в войну, он ревел как смертельно раненый зверь, глухо и протяжно.

Я видел это, и было страшно и больно смотреть, как этот большой, сильный человек гладит руками уже побелевшее лицо, поправляет выбившееся из под платка волосы, целует рассечённые ударом губы… Мужики еле оттащили его.

Мы тогда были в клубе, ждали кино, и кто-то с улицы крикнул, что в деревне машина сбила человека.

На похоронах дядя Сеня сидел бледный, отстранённый, безучастный ко всему. Деревенские всё взяли на себя, и служба шла чередом, и столы были накрыты, и домовина из струганых, лёгких, сосновых досок блестела отшлифованными боками.

Горящие у икон свечи, монотонный гул молитв, запах расплавленного воска смешивался с запахом ладана. А для меня всё это было как во сне, неосознанно и бессвязно.

По дороге на погост сын Максим и дочь Катерина не отходили от отца, а он медленно, тяжело ковылял на своей деревянной ноге, словно непомерный груз лёг на его плечи.

Постарел он за несколько дней. Волосы, до того лишь кое-где блестевшие сединой, почти побелели за ночь, лицо осунулось, небритая несколько дней щетина тоже забелела сединой.

Погост молчаливо принял пришедших. Последний раз открыли домовину, и снова он встал на колени. Крупные слёзы капали на мёрзлую землю, а руки с такой силой сжали край доски последнего пристанища усопшей, что побелели пальцы. И снова мужики силой оторвали его от прошлой жизни, от любви, однажды заставившей его жить…

Я помню лицо Кости и испуганное лицо Катерины.

А я был отстранён и безучастен, как будто всё это не реально, всё это сон, ночной кошмар, тяжёлый и мрачный.

Второй раз в жизни смерть лишь издали показала мне своё лицо, холодное и безразличное.

И вот сейчас я сижу в тепло натопленной избе, смотрю на дядю Сеню, на фотографии, разложенные на столе, и в моей душе возникло и разгоралось ещё не ясное, не осознанное до конца чувство благодарности.

Я был благодарен ему за откровенность, за то, что долгие годы он был рядом, что помогал нам, учил меня рисовать, наставлял советом, а иногда и был строг. Я был благодарен ему за то, что он заменил мне отца, за то, что своей жизнью, своей стойкостью и любовью к жизни всегда был примером для меня. Я был благодарен просто за то, что такой человек был в моей жизни.

Мы посидели ещё какое-то время молча, наконец собрали фотографии, я сбегал в магазин за хлебом, потом мы пили чай с сахаром вприкуску и говорили уже о рисовании, литературе, красоте природы.

Ушёл поздно. А дома дела, скотину покорми, навоз вычисти, воды наноси. Лида, сестра, уже год как в институте училась, и опять дядя Сеня помог, ходил к председателю. О чём уже они там говорили, не знаю, но вольную[14] для Лиды принёс, а его дочь, Катерина, помогла с поступлением. Мать в ноги ему упала, а он сердился, стучал по полу своей деревяшкой, хмурил брови и ворчал.

Вечером сидели с матерью за столом, она перебирала семена, а я смотрел на неё, на первые седые волоски, жемчугом блестевшие в волосах, и думал о нелёгкой её судьбе. Мысли мои невольно обратились к исповеди дяди Сени, и я рассказал ей о фотографиях, о нашем разговоре. Она молчала, смотрела на меня усталыми глазами.

— Знаешь, Ваня, а ведь они с тётей Стешей ездили туда, на могилку к Татьяне, проведывали. И немцев он бил из её винтовки. Выпросил у командира полка, чтобы её винтовка была. Два ордена Славы, медаль «За отвагу» заслужил. Настоящий человек, хороший. А для нас сколько сделал. Век не отмолиться будет!

Мы сидели, молчали, каждый думал о своём. Мамины глаза туманились, наверное, от усталости и невесёлых дум, а у меня перед глазами были война, фронт, смерть и молодая девушка-снайпер, всего на три года старше меня, а уже успевшая повоевать, посмотреть смерти в глаза, видевшая гибель друзей и боевых своих товарищей. Фронт, огонь и кровь, а она любила, познала силу любви и приняла смерть от шального осколка по дороге домой.

Жизнь человека, пусть короткая, но наполненная смыслом, чувствами, эмоциями, жизнь, отданная за Родину, вся, без остатка. А ведь она тоже только-только закончила школу, мечтала, наверное, была влюблена в какого-нибудь мальчишку-одноклассника. Оставила дом, семью, прошла суровую выучку в снайперской школе, воевала, смотрела на врага в перекрестие прицела. Это совсем не так, как стрелять из орудия, например. Здесь ты часто видишь глаза смотрящего на тебя живого человека. Нажать на курок, и его нет. Его уже нет среди живых. А она могла. С каждым нажатием на спусковой крючок она двигала свою страну к победе. А я мог бы? Не знаю… А дядя Сеня мог… Два ордена Славы…

Я всё никак не мог заснуть, не шёл сон. Я вспоминал сегодняшний разговор и тётю Стешу, думал о том, как может человек перенести столько боли и горя. Как не очерстветь душой, не закрыться от мира, не утонуть в печали. Вспомнилась баба Фаина, так и не пришедшая в себя после войны. На её глазах расстреляли дочь и маленького внука. Её сознание так

[14] Лишь в 1974 году сельским жителям начали выдавать паспорта. При этом для колхозников сохранялся порядок приема их на работу на предприятия и стройки, т. е. при наличии справок об отпуске их правлениями колхозов. Только до 16 лет можно было уехать из сельской местности на учёбу.

и не прояснилось, так и умерла она, проживая тот страшный день снова и снова, каждый раз словно в тумане, словно только что потеряла своих любимых, дорогих сердцу.

А ведь дядя Сеня смог, хоть и не сразу, а всё же вернулся к жизни, тогда и сейчас. Снова его гармошка задорными своими наигрышами радовала деревню, и снова мы с ним рисовали, мечтали и радовались весеннему солнцу, заливным лугам, пению птиц и неброской нашей природе.

Казалось, внутри меня вот-вот возникнет, родится понимание жизни, радости существования, но это чувство, неясное, не осознанное до конца, всё не приходило, ускользало, не давалось, словно что-то внутри ещё не вызрело, не было готово принять его таким, как оно есть.

Я всё ворочался, всё никак не мог успокоиться, заснуть. Разгорячённое воображение рисовало яркие, медленно затухающие картины. Мысли тугими толчками пульсировали в сознании.

И вдруг, словно кто коснулся прохладной рукой моей разгорячённой головы, волна переживаний, терзавшая меня, утихла, и я понял одну простую истину — ведь они просто жили, следовали своей судьбе. Пусть судьба эта непроста, а иногда и жестока, страшна, но ведь без смерти не умрёшь, а значит, надо жить дальше, несмотря ни на что. Жить. Дышать. Надеяться и Верить. И дядя Сеня понял это и принял. Пришёл к этому пониманию через боль, горе, страдания.

Наверное, к такому пониманию рано или поздно приходят все. Но кто-то понял и принял свою судьбу, а кто-то закрылся от мира и тонет в своей боли, ища оправдания своего эгоизма.

У каждого своя судьба, мы рождаемся с нею, с нею идём по жизни, и с нею покидаем жизнь. Кого-то она делает сильней, закаляет, а кто-то сдаётся и лишает себя возможности достойно, красиво пройти свой путь.

Простая истина, выстраданная веками — живому про живое думать…

Надо жить так, чтобы не было стыдно, надо нести радость и красоту… красоту…

Сон лёгким покрывалом туманил разум, и глаза закрылись…

Глава 3. Мне 17. Трудное решение

Как в песне: «Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь».

Моя любовь настигла меня в десятом классе. Экзамены на носу, а уроки в голову не идут, смотрю в книгу, а перед глазами она… Её глаза, улыбка, голос… Мать журит меня, а мне всё нипочём. Одноклассница Вера лишила сна и покоя. И вроде ничего особенного, да вот сердцу не прикажешь.

На уроках рисую её в тетради, после уроков провожаю домой, она местная, поселковая, а мне ещё пять километров до дома, в нашей деревне только начальная школа. А уходить так не хочется… Дома перекусишь, переоденешься, на велосипед и снова в посёлок.

Похудел, по словам мамы, сбегался, одни глаза и остались. Но сердце поёт в груди и опять тянет к ней.

А впереди экзамены, алгебру надо подтянуть, да и с химией не всё в порядке. Но всё это уходит на задний план, когда проснувшиеся чувства бушуют в тебе.

Приехал со школы, велосипед оставил во дворе, домой перекусить… А дома дядя Сеня в гостях, сидит, чай пьёт с вареньем. Здороваюсь, сажусь за стол, мать наливает суп.

— Ну, рассказывай, как дела, — дядя Сеня смотрит на меня с прищуром. — Совсем заходить перестал, позабыл старика.

— Да где ж ему, стощал весь, любовь покоя не дает, Вера, Митрофана Потапова дочка, иссушила всего, вон, весь дом в портретах.

— Это поселкового Митьки? Девка красивая, складная, только рано вам любиться, охолонись маленько, — дядя Сеня смотрит на меня весёлыми глазами. — Вот ведь чужие дети-то как быстро растут, оглянуться не успеешь, а уж невесту в дом приведёт… Дай-ка посмотрю…

Мать принесла последнюю мою работу, карандашный набросок на листе ватмана, не желтоватого шершавого, а белого гладкого, необычайной ценности для меня, который я доставал правдами и неправдами, путём хитроумного обмена.

Дядя Сеня смотрел мою работу, держа в вытянутой руке.

— Ну, что, неплохо, неплохо… чувство видно, и пропорции соблюдены, глаза выразительные, хорошо…

А мать продолжала:

— Да уж, приведёт, а жить-то на что? Лиде помогать надо пока учиться, а у них что? Ни работы, ни копейки за душой. В колхозе останутся оба? Хвосты коровам крутить? Ведь голова то светлая, а рисует как! Засмотришься! И что, всю жизнь на тракторе? Дети пойдут, с места уже не стронешься, куда с детьми ты поедешь? А детей придумать дело нехитрое…

Я слушал и понимал, что мать права, что всё так и будет, но соглашаться не хотел.

— Люблю я её…

— Любит он, — мать всплеснула руками. — Посмотрите на него! А ты знаешь, что такое любовь-то? От горшка два вершка, а всё туда же, любовь!

Дядя Сеня положил мой рисунок на стол.

— Ты, брат, не чуди, школу закончи как положено, да выучись, в армии отслужи, если любит, будет ждать, да и чувства, если настоящие, только окрепнут. Да она и сама, Валя-то созреет, рожать легче будет. А сейчас молодо-зелено.

Дядя Сеня подвинул кружку

— Плесни-ка еще кипяточку, хозяюшка.

— Дядя Сень…

— Да?

— Ты же сам рассказывал, на фронте-то…

— А ты, мил друг, теперешнюю жизнь с фронтом не равняй. Там год за пять шёл, сегодня живой, а завтра уж нет тебя. Не дай бог вам через такое пройти. Мы там, на фронте, спешили жить, далеко не загадывали, жив, здоров, и слава богу. Да и мне-то двадцать два было, а Танюше — девятнадцать. Уже хлебнули, уже знали, почём фунт лиха. Там быстро взрослеешь, на фронте-то мамки нет, нос вытирать некому. А сейчас жить не спеши, не спеши взрослеть, пока возможность есть. Как семью да детей заведёшь, уже не до учёбы будет, пойдут пелёнки, распашонки, оглянуться не успеешь, а уж и на пенсию пора. Так что ты с этим вопросом обожди, мой тебе совет. С этим всегда успеешь…

— Сердцу не прикажешь…

— Это верно, сердцу не прикажешь… Ты думаешь, у нас не было первой любви? Была… Первая любовь ой как жгуча, на всю жизнь след оставляет, на то она и первая. А ты всё же мать-то послушай, к экзаменам готовься, школу как положено окончи, а там и посмотришь, что да как.

Я ел суп, смотрел в тарелку, почему-то боязно, неудобно как-то было смотреть на мать и дядю Сеню. Чувство неловкости всё никак не проходило. Наконец, пересилив себя, мельком взглянул на мать. Сидит на табуретке возле печки, смотрит на меня, глаза печальные, руки на коленях, пальцы перебирают фартук. Взглянул и на дядю Сеню. Смотрит на меня, а глаза добрые, отеческие.

— Ты, Ванюш, уж как-нибудь пересиль себя, тебе учиться надо. Задатки у тебя хорошие, и терпение, и понимание есть, рисунок чувствуешь. А я помогу, чем смогу… А ты уж постарайся, уважь старика, да мать пожалей. Ну ладно, Людмила Андреевна, пойду я, засиделся. Вы уж извините, скучно одному-то… И ты, Ванюша, заходи, не забывай. Простите, если что не так…

Дядя Сеня, стуча деревянной своей ногой, прошёл горницей, вышел в сени, осторожно прикрыл за собой дверь.

Я сидел как в воду опущенный, мой мир, мои надежды рушились как карточный домик. Я понимал, что они правы, что не время. Но сердце…

Я молча смотрел в окно. Дядя Сеня, прикрыв калитку, заковылял по улице. На глаза наворачивались слезы…

— Ванюша, сынок, ты уж прости нас… Дело твоё, но ведь и себе, и ей жизнь сломаешь. Подумай хорошенько… Ведь и мне не в силу, зарплата ведь, сам знаешь, какая на почте. Подумай, сынок.

— Я понимаю, мам…

— Побегу я, обед кончается.

Мать скинула фартук, поправила платок, взяла сумку, погладила меня по голове:

— Подумай, Ванюша…

Я остался один на один со своими мыслями. Внутри тяжело ворочалась обида. Как они так, ну как… да, я понимаю… но всё же… ведь чувство то есть, вот оно, бьётся внутри, живёт в сердце. И как его? Убить что ли? Как его убьешь?..

И мать жалко, бьётся как рыба об лёд, хозяйство, работа… Вот и сейчас прибежала на обед, сбегала в поле корову подоить, а потом ждёт меня… всё одна… одна…

Ходил по комнате, не находил места. Решил: не поеду сегодня в посёлок. Надо успокоиться. Взял карандаши, альбом и пошёл к реке на свое любимое место. Порисую. Рисование всегда успокаивает.

Рисовал ивы над водой, тихую заводь. Вдруг вспомнился мне отец. Отец… Уж он бы меня понял.

Я помнил его смех, весёлые глаза, голос, а вот черты лица почти стёрлись из моей памяти. Конечно, я видел фотографии, но в них не было той жизни, той энергии, в них не было эмоций, того, что делает человека человеком.

Мне было три, когда его не стало. Глупая случайность… Такой молодой, сильный и так нелепо погибнуть… Когда матери сказали, она упала как мёртвая. Лида плакала, а я всё никак не мог поверить, что вот так, утром был отец, играл со мной, на руках подбрасывал вверх, смеялся вместе со мной, а вечером его уже нет и не будет никогда.

И полная горница народа, и мать, словно подёрнувшаяся серой пеленой. Глаза пустые, страшные, мёртвые. Погас в них огонь жизни…

И вот я на берегу, рисую место, где мы с ним ловили плотву, где я прыгал от счастья, держа в ладошках маленькую серебряную рыбку. Я помню, как бережно нёс её к воде…

Я рисовал, а внутри меня вдруг открылась уже зарубцевавшаяся было рана утраты, тупой болью отдалась внутри и выплеснулась на лист бумаги.

Я нарисовал человека на берегу, с удочкой, дорисовал кувшинки и высокую осоку. Всё, как было тогда… Закатное солнце, низко висящее над горизонтом, тепло, вёрткие, быстрые стрекозы, цветущие кувшинки, ивы, тонкими ветвями почти касающиеся воды.

Нарисовал и словно поговорил с отцом, словно он постоял рядом со мной, погладил своей шершавой, мозолистой рукой по голове. И отлегло от сердца.

Смотрел на свой рисунок и думал, что прав, наверное, дядя Сеня, права мама, люблю я рисовать, ни дня без карандаша или красок у меня не проходит, и, наверное, мне действительно надо учиться. А Валя, Валя, если любит, будет ждать, должна ждать… А если нет… то может и к лучшему. Сегодня никуда не поеду, засяду за алгебру.

А дома уже суетилась пришедшая с работы мать, всё же весна добавляет забот, и огород, и скотина в поле пошла.

Работы хватает всем, деревня есть деревня. Пошел встречать с поля скотину. Больше всего хлопот доставлял наш баран Борька. Жилистый, с большими рогами, Борька был любитель погулять, не боялся никого, обладал неукротимым нравом и дрался всегда и везде. Даже коров он не ставил ни во что, бил их с разбега рогами. Борька жил у нас уже третий год. Два года назад я приловчился ездить на нём верхом с поля домой, чем немало удивлял односельчан. В прошлом году, повзрослев, уже не мог позволить себе такой шалости, так как ноги мои уже доставали до земли. Я волочил Борьку за рога, он упирался, и мне приходилось изрядно попотеть. Но время идёт, и в этом году я уже с ним не церемонился, просто хватал за ноги и закидывал на плечи. Борька горько вздыхал, сопел и изворачивался, но перевес в силе теперь был на моей стороне.

Сегодня на удивление Борька шёл вместе с нашими овцами. Корова, Сонька, привычно ткнулась в руки, и, конечно, я угостил её хлебом. Старшая овца, Катька, тоже обнюхала мои карманы. Овец повёл домой, отщипывая хлеб небольшими кусочками.

Всё же как странно устроен мир, взять хотя бы, к примеру, овец. Казанова Борька вечно шлялся по чужим дворам, а самая старая и мудрая овца неизменно собирала всю свою семью и вела домой. Неслучайно в природе женщина есть хранительница очага.

А время уже восемь вечера. Засел за уроки, хорошо, что темнеет поздно. Надо учить, хоть и неохота.

Мать подоила корову, процедила молоко, затворила[15] хлеб. Торговый[16] давали только скоту, она его не любила, пекла свой. Мама возилась с квашнёй, вымешивая тесто, оно липкое, ржаное. Это вам не пшеничное тесто на пироги месить, тоже, конечно, тяжело, но к ржаному тесту нужен свой подход, здесь необходимы особая сноровка и опыт. Без опыта ржаной хлеб не испечёшь, не получится, особенно круглый, подовый.

Вдруг мать всплеснула руками:

— Лида!

---

[15] Замесила тесто.

[16] Из магазина.

Засуетилась, забегала. Я выбежал на улицу, схватил сестру, закружил её.

— Тихо ты, бугай здоровый, — смеялась она.

Мать выбежала на крыльцо:

— Лида, доченька! Да поставь ты её на место, задушишь! Лидуш, ты тихим[17]?

— Всё хорошо, мама, вот на три денька приехала, соскучилась очень.

Мать обняла Лиду, на глазах заблестели слезы.

— Как же ты со станции?

— Пешком, всего ведь пять километров.

— Пойдём скорее, суп ещё горячий в печке, поешь, проголодалась поди с дороги.

В горнице словно стало светлее, привычная тишина развеялась.

Мы с матерью смотрели на Лиду и не могли насмотреться. Повзрослела, добавился к облику еле уловимый городской дух. Как всегда аккуратная, чистенькая, лицо светится радостью. Не удержался, взял карандаш и альбом.

Очень хотелось поговорить, узнать, как там, в городе, но я понимал, что для матери это важнее, а у меня ещё будет время, ещё целых три дня впереди.

Я сидел и рисовал, карандашный набросок постепенно обрастал деталями, становился чётче, яснее. Тени, полутени, мелкие детали, чуть-чуть растушевать пальцем. Улыбнулся, вот бы увидел дядя Сеня, вот бы задал жару. Он всегда учил тушевать кисточкой, и такая специальная кисточка всегда у него было в пенале с карандашами. Посмотрел на рисунок, вышло хорошо.

— Ну-ка, дай посмотрю, что ты там нарисовал.

Я протянулся альбом.

— Слушай, да тебе учиться надо! Смотри, — Лида показала матери, — похоже как! А это наше место, ивы, дядя Сеня! Ой, чуть не забыла, для него же тётя Надя посылку передала, снести надо…

[17] Всё в порядке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.